

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штрэнге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнхейма	483
П. Е. Заславский. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Мамок. Из исследований дискуссионного письма восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало мелкобуржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
Н. Н. Зинбергер. Коммунистическое значение фюрерства	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Новиков. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Давыдовский. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1849 гг.	601
А. З. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дабер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Ковальки. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эдлер. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

**ПРОПАГАНДА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА
СРЕДИ РАБОЧИХ РОССИИ
в 70—80-х годах XIX в.**

К началу 70-х годов XIX в. Россия уже развивалась, как капиталистическая страна. В результате реформы 1861 г. самодержавие сделало шаг в сторону буржуазной монархии. Но судьба дальнейшего развития капитализма в России зависела от устранения крепостнических пережитков, сохранившихся в экономике и во всем общественном строе пореформенной России. Базой этих пережитков являлось господствовавшее и после 1861 г. полукрепостническое землевладение — громадные дворянско-помещичьи латифундии и связанные с ними кабальными отношениями крестьянские надельные земли, с их разлагающимся общинным строем хозяйствования, неукоснительно сохраняемым самодержавием в интересах укрепления власти уходящего со сцены дворянско-помещичьего класса. Но крестьянство, ограбленное «реформой», попавшее из крепостнической неволи в кабалу к тем же помещикам, продолжало героическую борьбу за «землю и волю», которую оно начало еще до реформы 1861 г.

Несмотря на разрозненность крестьянских волнений, их стихийность и слабую политическую сознательность масс, эти волнения означали революционную борьбу крестьянства против помещичьего землевладения. Объективно это была борьба за фермерский путь капиталистического развития сельского хозяйства, развязывавший производительные силы деревни и открывавший перспективы широкой демократизации страны.

Фермерскому пути господствовавшие в стране дворяне-помещики противопоставляли прусско-юнкерский путь медленного и постепенного перерождения помещичьих латифундий в капиталистические хозяйства. Этот путь означал длительный и мучительный для крестьян процесс закабаления и обнищания, социальной и политической неполноправности и угнетения.

Таковы были две возможные перспективы развития капитализма в сельском хозяйстве после отмены крепостного права, и вне этих перспектив нельзя было решать вопрос об исторических судьбах пореформенной России.

Революционную борьбу против самодержавия и крепостнических пережитков после дворянских революционеров и Герцена вело второе революционное поколение — разночинцы-демократы во главе с Чернышевским и Добролюбовым. Это были идеологи крестьянской революции, мечтавшие о революционно-демократическом преобразовании всех общественных отношений в интересах народных масс, в первую очередь крестьянства. Экономическая отсталость страны, незрелость пролетариата, который только еще формировался, отсутствие массового рабочего движения — все это обусловило теоретическую слабость и идейную разнородность в революционно-демократическом лагере, особенно после насильственного и

небывало жестокого удаления с политической арены вождя демократов-революционеров — Чернышевского.

В этот период с пропагандой крестьянской революции и социализма и выступило революционное народничество 70-х годов. И хотя оно впервые поставило вопрос о капитализме в России, но давало никуда не годное решение этого вопроса, основанное на отсталых теориях, «...на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности»¹. Народники в 70-х годах создали теорию, в основе которой лежало идеалистическое представление о прирожденном социализме и коммунистических инстинктах «общинного» крестьянина, который должен привести Россию к социализму, минуя капитализм.

Классовое созревание пролетариата в условиях незавершившегося промышленного переворота в России происходило медленно. Рабочее движение еще не выделилось в самостоятельное революционное движение и делало только первые шаги по пути своего классового оформления.

Социализм и рабочее движение развивались в эти годы как два параллельных потока, не сливаясь в единое революционное движение. Тем не менее, буржуазно-демократический этап освободительного движения, особенно в 70—80-е годы, имел важное историческое значение как в истории рабочего движения, так и в идейной эволюции рабочего класса, искавшего пути к своему освобождению. Чем более широкие массы участвовали в освободительном движении, тем активнее шла социальная и политическая размежевка классов, тем все более очевидным становилось, что народническая идеология не может способствовать росту самосознания пролетариата, а пропаганда идей народнического социализма не может указать ему правильного пути в борьбе за свободу.

Народнический «социализм» являлся, в известной мере, формой протеста как против остатков крепостничества, так и против новых буржуазных отношений, приносивших народным массам разорение и нищету. Народничество отразило такой новый факт в русской жизни, как противоположность труда и капитала. «Оно отразило этот *факт* через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя...»². Народники считали носителем «социализма» крестьянство и не признавали за пролетариатом самостоятельной и тем более руководящей роли в борьбе за социализм.

Идеологи народничества, во главе с Н. К. Михайловским, утверждали, что капитализм может иметь в России только «отрицательную общественную миссию»³. Экономическая теория народников должна была обосновать возможность для России непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя, как выражался Михайловский, среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства.

Спасительным средством от пролетаризации крестьянства, а главное, высшей формой организации общества народники считали общину. На основании ее широкого распространения в России Ткачев, например, стал доказывать, что русский народ «стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада». Народники (особенно Ткачев) утверждали, что государство в России не имеет корней в экономической жизни, что в России нет буржуазии, — поэтому здесь легче совершить социалистический переворот. Единственной революционной силой, способной его совершить, по мнению

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 483.

² Там же, т. 1, стр. 384.

³ Н. К. Михайловский. Соч., т. V, стр. 787, СПб., 1897.

народников, могла быть интеллигенция. Они полагали, что ее преданность заменит народную инициативу, что интеллигенция будет в состоянии объединить и организовать разрозненную народную борьбу, в силу «критической мысли» и «всестороннего развития» выдающихся личностей¹.

Все эти теории и построенные на них программы идеологов народничества Лаврова, Бакунина, Ткачева были, прежде всего, антинаучными, оторванными от жизни, бесперспективными.

Это равным образом относилось и к бакунизму с его проповедью «бунта» и к лавризму, который считал главной задачей пропаганду социализма среди народных масс, способных, якобы, по причине своей крайней нищеты, усвоить идеи социализма только путем длительной и планомерной пропаганды.

В основе народнического «крестьянского социализма» лежало не научное познание законов развития человеческого общества, а идеалистические взгляды на исторический процесс. Идеологи народничества Бакунин, Лавров, Ткачев, Михайловский и другие — при всех разногласиях по вопросам программы и тактики — одинаково считали возможным самобытный путь некапиталистического развития России. Они не исследовали объективного процесса социально-экономического развития страны, а исходили из субъективных стремлений к «социализму» со стороны «критически мыслящих личностей».

«Учение о самобытности России,— писал В. И. Ленин,— заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры...»².

Так, народники совершенно игнорировали тот анализ капитализма, который к этому времени уже дала передовая западноевропейская мысль. Все усилия народнических идеологов были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие не делать в отношении русского капитализма тех же выводов, какие были сделаны относительно европейского капитализма.

Особенно большое внимание на формирование идей народнического «социализма» и на содержание революционной пропаганды народников в народных массах оказали известные «Исторические письма» Миртова (Лаврова), вышедшие в 1869 г.

Учение Лаврова о «критически мыслящих личностях», т. е. об интеллигенции, которая должна заплатить «долг народу», руководя борьбой за осуществление общественной справедливости, стало одной из основ народнического мировоззрения.

П. Л. Лавров, а вслед за ним и многие другие народники подчеркивали особую роль «критически мыслящих личностей» в деле распространения идей «истины и справедливости» среди тех, кто еще не знает, куда идти, кто «страждет и ропщет, мечется и гибнет...». «Итак, чтобы не быть совсем одиноким, человек, начинающий борьбу против общественных форм, должен только высказать свою мысль так, чтобы ее узнали: если она верна, то он не будет одинок. Он будет иметь товарищей единомышленников между людьми наиболее свежей восприимчивой мысли...»³. Народу не следует навязывать революционные идеи, выработанные меньшинством. Подготовить народ к революции может и должна длительная и постепенная пропаганда. Таким образом, исключительно важная роль пропа-

¹ Цит. по Г. В. Плеханову. Соч., т. 2, М.—Пг., 1923, стр. 144 и сл.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 485.

³ П. Л. Лавров. Исторические письма, изд. 2. СПб, 1905, стр. 139—142.

ганды, как средства распространения в массах идей народнического социализма, вытекала из всего содержания теории лавристов.

Несколько иначе стоял вопрос о революционной теории и средствах ее распространения в массах у бакунистов.

Наиболее известной и популярной в народнических кругах книгой, излагавшей анархистские взгляды Бакунина на государство и социалистическую революцию, была изданная впервые за границей в 1873 г. книга Бакунина. «Государственность и анархия». М. А. Бакунин развивал теорию о том, что главным злом, которое следует устранить, является не капитал, не классовые противоречия между капиталистами и наемными рабочими, а государство, как надклассовая сила. Бакунин утверждал, что государство создало капитал, и достаточно разрушить государство, как будет уничтожена и вся система капиталистической эксплуатации. В своей книге «Государственность и анархия» Бакунин писал: «Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись...»¹.

Главным средством разрушения этого основного зла русской жизни бакунисты считали восстание. Но его должна подготовить агитация, которая разобьет замкнутость и разъединение крестьянских общин, поможет «провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела». Исходя из этого, Бакунин рекомендовал усилить агитационную работу среди крестьян и фабричных рабочих с целью подготовить народ не только к отчаянному сопротивлению, но и к смелому нападению: «Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством...»².

В необходимость длительной пропаганды для подготовки крестьян и рабочих к революции не верил и П. Н. Ткачев, опубликовавший свою программу в журнале «Набат», издававшемся в Женеве в 1875—1881 гг. Эта программа была напечатана отдельной брошюрой в ноябре 1875 г. и развивала идею захвата власти небольшой смелой группой революционеров-заговорщиков. Ткачев считал, что русский народ проникнут «принципами коллективного владения», что русский крестьянин — «коммунист по инстинкту, по традиции». «Поэтому наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они и более образованы»³.

В своей статье «Набат», излагавшей программу этого журнала, носившего подзаголовок «Орган русских революционеров», Ткачев писал, что революционер признает народ всегда готовым к революции. Он заявлял, что не пропаганда должна предшествовать перевороту, а переворот должен ей предшествовать. Поэтому в программе, разработанной Ткачевым, содержалось требование «стремиться к расширению народного развития, к поднятию уровня его нравственных идеалов», когда будет создана Народная дума, как новое революционное правительство: «И тут ему открывается широкое поприще для пропаганды — той пропаганды, о которой мечтают наши буржуазные псевдо-революционеры...»⁴.

¹ М. А. Б а к у н и н. Государственность и анархия. Введение, ч. 1, 1873. Прибавление А, стр. 16—17.

² Там же.

³ Цит. по замечательной статье Ф. Энгельса «Социальные отношения в России», представляющий ответ П. Н. Ткачеву с критикой основных положений русских народников. См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XV, стр. 251—264.

⁴ П. Н. Т к а ч е в. Избр. соч., т. III. М., 1933, стр. 226.

Таким образом, по вопросу о необходимости революционной пропаганды в народных массах между идеологами народничества 70-х годов не было единомыслия. Гораздо больше единодушия было среди народников разных направлений по вопросу о пропаганде идей социализма в среде русских фабричных и заводских рабочих. Ни одно из народнических течений не выделяло рабочих из общекрестьянской народной массы, как самостоятельный революционный класс, исторической миссией которого является разрушение капиталистического и построение социалистического общества. Даже понятия «пролетариат» и «рабочий класс» не были в народнических программах и выступлениях достаточно уточнены и сливались с понятием «народ», — поэтому мы чаще всего встречаем в программных и пропагандистских документах 70-х годов термины «рабочий народ», «фабричные люди» и т. п. В известном труде Н. Флеровского (В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России», вышедшем в 1869 г., и широко распространенном в народнических кружках 70—80-х годов, фактически не делалось никакого различия между пролетарием, ремесленником и крестьянином. Флеровский считал промышленных рабочих только наиболее развитым и сознательным слоем общекрестьянской массы и отводил этому слою роль посредника между интеллигенцией и крестьянством. Этот взгляд на рабочий класс доминировал среди народников всех направлений в 70-х годах. Народники не считали для России актуальным «рабочий вопрос» и больше интересовались им в странах Западной Европы, чем в России. В легальном журнале народнического направления «Отечественные записки» в феврале 1868 г. была помещена статья Г. Елисеева «Производительные силы России», в которой автор не только отрицает необходимость создания фабричной промышленности, но осуждает рабочих, слишком долго и постоянно работающих на фабриках и отвыкающих от крестьянского труда. В том же журнале в начале 70-х годов был помещен ряд статей, в которых подчеркивалось различие «рабочего вопроса» в России и на Западе. Так, в статье «Отчего трудно поправляться нашему рабочему» (в январском номере журнала за 1870 г.) автор пишет: «Западный рабочий — большей частью безземельный и бездомный батрак, наш рабочий — имеет землю и хозяйство». Отсюда автор делал вывод, что необходимо всеми мерами не допускать обезземеления рабочих и крестьян и стремиться закреплять их положение мелких собственников.

Ту же идею проводил и П. А. Кропоткин при составлении программы для народнической организации «чайковцев». Он подчеркивал, что, в отличие от западноевропейских рабочих, русские рабочие имеют связь с землей, и это обстоятельство делает их более пригодными для революционной работы в деревне. Кропоткин рекомендовал при отборе пропагандистов и агитаторов для деревни отдавать предпочтение «фабричным» рабочим перед «заводскими», так как последние менее связаны с земельной собственностью, чем первые.

Лавров и Бакунин при всех своих расхождениях также сходились на том, что на Западе движение к социализму начнет рабочий, а в России — крестьянин. С наибольшей рельефностью мысль о связи рабочего России с земельной собственностью, как основным условием «социализма», изложил в начале 70-х годов тогда еще молодой народник, будущий лидер либерального народничества Н. К. Михайловский. Развивая народнические взгляды на рабочий класс, Михайловский писал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи

условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только с о х р а н е н и е условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности»¹.

Но каковы бы ни были взгляды идеологов народничества 70-х годов на рабочий класс и «рабочий вопрос» в России, народники уже не могли не признать самого факта появления в 60—70-х годах промышленного пролетариата, который заявлял о своем появлении энергичными и решительными выступлениями — волнениями и стачками. Термин «стачка» употребляется уже в 60-х годах, хотя и не получает еще смысла к л а с с о в о г о выступления пролетариата.

В 70-х годах, как можно установить по вновь выявленным документам, стачечная борьба развертывалась гораздо активнее и означала новый шаг вперед по пути развития классового самосознания пролетариата. По подсчетам стачек, о которых упоминается в хронике стачек 70-х годов, можно отметить за 60-е годы — 51 стачку и волнение, а за 70-е — 326 стачек и волнений².

Хотя эти выступления рабочих были еще в большинстве стихийными, носили оборонительный и чисто экономический характер, но они не могли не стать серьезным фактором общественного движения в России, особенно во второй половине 70-х годов.

Основной слабостью стачечного движения 60—70-х годов являлась его оторванность от идей научного социализма, которые уже формировались в эти годы в Западной Европе, под руководством революционных идеологов пролетариата — Маркса и Энгельса и распространялись в европейских капиталистических странах при содействии I Интернационала — первой международной организации рабочих. В России ситуация была иная. После реформы 1861 г., разочаровавшей всех передовых людей, надежды русских революционеров были связаны с возможным восстанием крестьянства. Революционный взрыв ожидался к весне 1863 г. в связи с истечением срока для подписания уставных грамот. Но надежды не оправдались. После покушения Д. В. Каракозова на жизнь Александра II 4 апреля 1866 г. правительство усилило репрессии против всех защитников демократии и свободы. Виднейшие революционеры 60-х годов Чернышевский, Михайлов, Шелгунов, Зайчневский, Н. Серно-Соловьевич были арестованы. Демократические журналы «Современник» и «Русское слово» закрыты. Различные просветительные организации, воскресные школы и курсы, библиотеки и читальни закрыты. Большое количество лиц было предано суду по делу о пропаганде в воскресных школах во главе со студентом Медико-хирургической академии Василием Хохряковым. Наряду со студентами были привлечены к ответственности и некоторые рабочие.

Уже в 60-х годах усилилась революционная пропаганда среди рабочих, особенно при помощи воскресных школ. Как признавал в сентябре 1862 г. в своем докладе царю министр внутренних дел Валуев, воскресные школы стали в руках революционеров «средством к распространению пропаганды, направленной к потрясению основ благосостояния государства»³.

Воскресные школы в Петербурге распространяли среди своих учеников взгляды, не угодные царским властям. В Самсоновской и Введенской

¹ Н. К. Михайловский. Из литературных и журнальных заметок. 1872. Соч., т. I, 1896, стр. 703.

² Сб. документов «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1 (1861—1874 гг.), М., 1950, стр. 35, 45.

³ Там же, стр. 591.

воскресных школах, как сообщается в том же документе, «преподавались социалистические, противурелигиозные и противуправительственные правила»¹. Например, в воскресной школе на Выборгской стороне, как сообщал Валуев в другом документе, внушались слушателям следующие идеи: «Бога нет. Человек вовсе не имеет бессмертной души. Государи вообще и наша императорская фамилия в особенности бесполезны. Управление податями должно лежать на тех, кто их платит. Собственность должна быть общая...»².

В библиотеках воскресных школ, кроме учебников, при обысках находили прокламации и книги революционного содержания: «Что нужно народу», «Что делать войску» и др. Преподаватели разъясняли, что в России необходимо создать выборное правительство с президентом, избранным народом, что войско должно идти за народом и т. п.

Рабочий Иван Антонов, у которого при обыске были найдены листки революционного характера, переписывал прокламацию «Молодая Россия». Рабочий Михаил Федоров, получив прокламацию, передал ее для прочтения другим рабочим. Аналогичные факты сообщаются во многих архивных делах³.

Активную пропаганду вели среди рабочих участники и организаторы общества «Земля и Воля». Двоюродный брат Каракозова Ишутин сделал попытку привлечь рабочих в террористическую организацию с целью цареубийства, но потерпел неудачу.

В 60-х годах в России стали распространяться идеи «кооперативного социализма» и «производительных ассоциаций», особенно при посредстве революционных эмигрантов, возвращавшихся из Франции и Германии. В Саратове возвратившийся эмигрант Христофоров сделал даже попытку практически организовать рабочие артели, но эта попытка кончилась крахом и арестами⁴.

С 70-х годов революционная пропаганда среди рабочих стала развиваться более широко и планомерно. В 1872 г. почти во всех районах Петербурга создались народнические кружки так называемых чайковцев. Они распространяли легальные книги демократического содержания и знакомили рабочих с основами европейского социализма.

Начиная с 1872 г., чайковцы, как вспоминает С. С. Синегуб, начали пропаганду среди фабричных рабочих, особенно ткачей, еще не порвавших связи с деревней. В конце лета 1872 г. чайковцы связались с рабочими Самсоньевской мануфактуры на Выборгской стороне и с рабочими фабрики Чешера. В кружках рабочих изучалась книга Флеровского «Положение рабочего класса в России», сочинения Лассалья и даже первый том «Капитала» Маркса. Среди рабочих, посещавших эти кружки, были Петр Алексеев и Марк Малиновский.

Летом 1873 г. пропаганда среди рабочих достигла широкого развития в ряде городов. Встревоженное правительство, отрицавшее самое существование в России рабочего класса, теперь заговорило о «рабочем вопросе». III отделение докладывало министру внутренних дел А. Е. Тимашеву (26 марта 1871 г.), что возникший в Западной Европе «рабочий вопрос» уже более 20 лет составляет «постоянную угрозу для обществен-

¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. I, М., 1950, стр. 592.

² Там же, стр. 586.

³ ЦГИАЛ, ф. 1275 Совета министров, 1862 г., оп. 1, д. 41, лл. 54—55, 66—69, 70—72, 73.

⁴ Там же.

ного порядка и спокойствия», и поэтому необходимо предотвратить его появление в России¹.

Автор записки рекомендовал создать, при содействии «благомыслящей части общества», «Общество попечения рабочих», которое могло бы «содействовать образованию рабочих» и распространять «полезные и нравственные развлечения».

Автор записки утверждал, что в России появилось много последователей учения Флеровского, Щапова, Лассалья и других и что «они вместе со своими приверженцами в обществе и вне его ударятся в пропаганду среди рабочих»².

* * *

К началу 70-х годов революционная борьба русского рабочего класса развернулась значительно шире, чем в 60-х годах. Крупной вехой в истории рабочего движения в России явилась стачка рабочих Невской бумагопрядильной мануфактуры в мае 1870 г. Хотя случаи прекращения работ имелись уже и раньше, однако эта забастовка отличалась значительно большей организованностью, дисциплиной и сознательностью и произвела сильное впечатление на общество и правительство. Стачка вспыхнула в тот период, когда на Западе развернулась деятельность I Интернационала, а в самой России закончился девятилетний срок, в течение которого по Положению 19 февраля 1861 г. крестьяне не могли отказываться от наделов. Город стал наполняться выходцами из деревни, разоренными реформой. Экономическое положение рабочих было крайне неустойчиво и продолжало систематически ухудшаться. В то же время усилился и протест рабочих против эксплуатации. Под непосредственным впечатлением стачки на Невской мануфактуре рабочие стали предъявлять различные требования к фабричной администрации. 6 июля 1870 г. правительство издало специальный циркуляр о мерах борьбы против забастовок. В этом циркуляре стачка признавалась «явлением совершенно новым», местным властям предписывалось усилить наблюдение за фабричным и заводским населением, в особенности за теми «неблагонадежными личностями», которые могут иметь «вредное влияние» на рабочие массы. О стачках заговорила, несмотря на существовавшее запрещение, даже официальная и буржуазная печать, которая стала открыто писать о появлении в России рабочего класса. В самом III отделении и в Министерстве внутренних дел теперь обсуждался вопрос, «объявился» ли уже в России «рабочий вопрос» или его еще не существует.

В августе 1872 г. произошла новая крупная стачка на Кренгольмской мануфактуре близ Нарвы. Активизировалась революционная деятельность передовых рабочих, среди которых в начале 70-х годов выделялись в Петербурге Виктор Обнорский, Алексей Петерсон, Игнатий Бачин, Семен Волков, Дмитрий Смирнов, Сергей Виноградов и др.

В таких пролетарских районах, как Невская застава и Выборгская сторона, а также на Васильевском острове в начале 70-х годов почти на всех крупных предприятиях были созданы революционные кружки заводских рабочих. Параллельно с кружками, организованными «чайковцами», в Петербурге среди фабричных рабочих существовал кружок В. С. Иванковского на мызе «Резвое». Здесь велись занятия по общеобразовательным предметам с рабочими и подростками. С осени 1873 г. развернулась пропаганда среди рабочих фабрики Торнтон. Часто собрания происходи-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, Деп. полиц. исполн., оп. 32, 1871 г., д. 300, л. 18 об.

² Там же, л. 27.

ли в трактирах, специально занимаемых рабочими. На фабрике Торнтонна была создана школа для рабочих, организатором которой являлся Иван Тимофеевич Смирнов. После Смирнова пропаганду на фабрике Торнтонна вел Петр Алексеев, который пропагандировал поход в деревню. Весной 1874 г. он уехал на родину в Смоленскую губернию. На квартире Петра Алексеева проходили занятия кружка, которые посещали рабочие Варшавской железной дороги.

Воспоминания современников, в том числе П. А. Кропоткина, отмечают высокий уровень развития заводских рабочих Петербурга этого времени. На многих предприятиях были организованы библиотеки для рабочих. Некоторые рабочие (Обнорский, Орлов, Мясников, Тимофеев, Бачин) организовали занятия за Невской заставой. Здесь летом 1873 г. Кравчинский вел занятия с рабочими по политической экономии и излагал идеи первого тома «Капитала» Маркса¹.

Зимой 1872—1873 гг. на Васильевском острове было организовано нескольких заводских кружков, где вели пропаганду В. Обнорский и П. Кудров. Особенно много было распропагандированных рабочих на Патронном заводе. Здесь активную роль играли рабочие инструментального отдела Петерсон, Смирнов и Волков. В 1873 г. заводской кружок на Васильевском острове пополнился новыми рабочими: в его состав вошли токарь Патронного завода Бек, Иванайнен и др.

Среди заводских рабочих преобладали металлисты. Сильная группа заводских рабочих — металлистов, во главе с Обнорским и Митрофановым, действовала на заводе Макферсона. Одним из центров пропагандистской работы среди заводских рабочих была квартира А. В. Низовкина на Астраханской улице на Выборгской стороне. Низовкин организовал библиотеку и кассу взаимопомощи для рабочих. Но кружок Низовкина, не имевший никакой положительной программы, не мог удовлетворить рабочих. В марте 1874 г. кружок был разгромлен жандармами. Низовкин дал откровенные показания, в результате которых несколько революционных рабочих были арестованы и подверглись суровому наказанию.

Наиболее сознательная часть рабочих, уцелевших от разгрома, — С. Волков, Д. Смирнов, братья Алексей и Петр Петерсоны, В. Обнорский и другие — отошли от народников и впоследствии создали самостоятельную рабочую организацию — Северный Союз русских рабочих.

Осенью 1873 г. и весной 1874 г. развернулась деятельность революционных пропагандистов среди рабочих Москвы. Особенно активную работу вел в Москве кружок А. В. Долгушина, сформировавшийся весной 1873 г. Этот кружок наладил подпольную типографию в Звенигородском уезде, Московской губернии, и занялся издательской работой. В числе первых изданий долгушинцев была брошюра В. В. Берви-Флеровского «Как надо жить по закону природы и правды».

В этой брошюре автор проповедовал «религию братства», «без бога и святых». Долгушинцы уделяли большое внимание пропаганде среди рабочих, рассматривая их, как посредников между революционной интеллигенцией и крестьянством. В воззвании «К русскому народу», изданном долгушинцами летом 1873 г., они призывали к всенародному восстанию против помещиков и царского правительства. Это был программный документ народнической организации А. В. Долгушина. В нем заключались требования уничтожения оброков, передела всей земли крестьянской, помещичьей и казенной и ее распределения «по справедливости» и без вся-

¹ Л. Э. Ш и ш к о. Статьи по истории русской общественности. Собр. соч., т. IV. Пг.—М., 1918, стр. 145.

кой платы, уничтожения рекрутчины, организации для народа общеобразовательных школ, уничтожения паспортов, а главное создания правительства, избранного самим народом. В экономических требованиях этой программы сильно сказывалось влияние Берви-Флеровского.

В вопросах тактики долгушинцы являлись сторонниками Бакунина и требовали подготовки народных масс к восстанию. Осенью 1873 г. пропагандисты-долгушинцы впервые направились для пропаганды в деревню и положили начало хождению в народ, которое приняло весной 1874 г. массовый характер.

Но кружок долгушинцев был скоро разгромлен, и его участники по приговору Сената в июле 1874 г. были осуждены на каторгу.

Вскоре после разгрома долгушинцев осенью 1874 г. в Москве была создана новая организация, так называемая Всероссийская социально-революционная организация, известная также под названием кружка «москвичей». Руководителями и организаторами кружка «москвичей» были Иван Джабадари, Софья Бардина, Лидия Фигнер, а также рабочие Николай Васильев, Филат Егоров, Семен Агапов. Крупную роль в работе этой организации играл рабочий-ткач Петр Алексеев. Он был тесно связан с рабочими-текстильщиками, среди которых вел активную пропагандистскую работу. Революционная организация «москвичей» уделяла главное внимание пропаганде среди фабричных рабочих, рассчитывая при их помощи лучше связаться с деревней.

«Всероссийская социально-революционная организация» пыталась вернуть пропаганду не только в Москве, но и в ряде других фабричных центров — в Шуве, Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве и Одессе. Некоторые члены кружка для установления связей с рабочими сами поступили на фабрики в качестве рядовых рабочих. Московская организация просуществовала всего несколько месяцев — с осени 1874 г. по апрель 1875 г.

Изучение документов позволяет установить, что наиболее активную роль в пропагандистской деятельности «Всероссийской социально-революционной организации» играли московские рабочие-революционеры. Организация эта состояла из трех частей: вернувшиеся из-за границы «кавказцы», студенты и самая большая «третья часть этой организации — рабочая — вскормлена русской деревней, русскими фабриками и заводами», вспоминает один из видных членов этой организации И. С. Джабадари.

Выбор Москвы, в качестве центра революционной деятельности, определялся тем, что объектом пропаганды были избраны фабричные рабочие, имевшие связи с деревней. Здесь имелись и старые связи долгушинцев с рабочими, которые удалось восстановить. В Москве, кроме того, не было еще такой полицейской слежки, как в Петербурге, и поэтому было легче проникать на фабрики и заводы. Рабочие революционеры Петр Алексеев и Василий Грязнов поступили на работу: первый — на фабрику Ф. Тимашева, второй — на железную дорогу. На учредительном собрании Организации был утвержден устав, основные разделы которого были посвящены принципам организации общества, методам пропаганды и агитации. Отдельный параграф под названием «Группа наиважнейших способов при пропаганде» был посвящен методам и организации пропаганды среди рабочих. Здесь выделялись: способ простого разговора, способ чтения книжек, какие находит нужными пропагандист, способ создания кружка, учреждение при нем библиотеки, устройство кружков и сходок на местах жительства и т. п.¹

¹ «Процесс 50-ти». Изд. В. М. Саблина. М., 1906, стр. 24.

Кроме пропаганды, устав предусматривал и «чистую агитацию» с целью подготовки «бунта». Программа и устав Организации имели целью подготовку масс к «народной революции» и носили следы бакунистских влияний.

Рабочая группа Организации была довольно значительной. Это видно даже из того, что на процессе 50 перед судом предстали 12 рабочих: Петр Алексеев, Семен Агапов, Иван Баринов, Василий Григорьев, Николай Васильев, Пафнутий Николаев, Филат Егоров, Иван Фетисов, Иван Едуков, Николай Едуков, Василий Ковалев, Петр Остров. Кроме них, в Организации играли видную роль Михаил Грачевский, Иван Союзов и др.

Рабочие, состоявшие в кружках, были начитанными и развитыми, и иногда вели теоретические споры с народниками-интеллигентами. Джабадари вспоминает, что Петр Алексеев в теоретических спорах с интеллигентами нередко вставлял иронические замечания. «Каждому из нас... казалось,— пишет Джабадари об Алексееве,— что он относится к нам с недоверием и это не мало озабочивало нас, так как в центральном рабочем ядре он должен был занять видное место...»¹.

После провала ряд руководителей кружка «москвичей» (Алексеев, Зданович, Джабадари, Бардина и др.) по процессу 50 был осужден на каторгу. Этот процесс явился знаменательным событием в жизни рабочего класса. Здесь впервые в зале царского суда раздался обличительный голос русского рабочего. Знаменитая речь московского ткача Петра Алексеева 10 марта 1877 г., в которой он выступил в качестве обвинителя царизма и раскрыл правдивую картину невыносимого положения русских рабочих, явилась «великим пророчеством русского рабочего класса», как назвал ее В. И. Ленин. Эта речь, печатавшаяся многократно, как прокламация, стала одним из самых сильных и популярных пропагандистских документов, способствовавших пробуждению классового самосознания пролетариата.

В 1889 г. речь Петра Алексеева была издана за границей. В предисловии к ней Г. В. Плеханов подчеркнул, что московский ткач Петр Алексеев не защищался, а обвинял правительство, призывая русских рабочих надеяться только на свои силы.

Несмотря на репрессии, пропаганда среди рабочих продолжала расширяться, захватывая рабочих не только столичных предприятий, но и рабочих многих промышленных центров страны.

Управляющий III отделением Шульц 17 сентября 1873 г. разослал по всем губерниям циркуляр с требованием усилить надзор за рабочими и борьбу с пропагандой среди них. Он сообщал начальнику Пермского губернского жандармского управления, что в Москве «захвачены печатные воззвания, обращенные к народу и к интеллигентным людям», приглашающие последние проводить в народных массах мысль о необходимости насильственно изменить государственный строй и призывающие народ к оружию для водворения истинной свободы, основанной на равенстве сословий и состояний»².

В этой записке сообщалось, что еще весной того же года были задержаны с аналогичными воззваниями лица, стремившиеся развернуть революционную пропаганду среди рабочих. Молодые люди обоего пола переезжали из одного места в другое в качестве эмиссаров центрального кружка пропагандистов. В некоторых местах пропагандистам удалось

¹ И. С. Джабадари. Процесс 50-ти. (Всероссийская социально-революционная организация 1874—1877 гг.) — журнал «Былое», № 9, 1907, стр. 190.

² Свердловский обл. архив, ф. 11, оп. 1, д. 7, л. 11.

сблизиться с фабричными и заводскими рабочими, организовать кружки рабочих, созывать тайные сходки, на которых рабочие призывались к борьбе против правительства.

Симбирский губернатор в донесении министру внутренних дел от 14 августа 1874 г. сообщал, что в июле этого года на фабрику купца Щербакова, находящуюся в селе Базарном-Сызгане, Корсунского уезда, прибыл студент Петербургского университета Петр Виктор, который послал отсюда в Корсун другому студенту революционную брошюру о борьбе труда с капиталом. При обыске у студента Викторова было найдено неподписанное письмо, в котором излагалась народническая программа «хожения в народ»¹.

Министр внутренних дел в особом циркуляре от 9 июля 1874 г. предписал задерживать пропагандистов и не допускать распространения революционных изданий. Производивший специальное дознание о революционной пропаганде генерал-лейтенант Слезкин разослал начальникам местных жандармских управлений список книг, распространявшихся среди рабочих и требовал не допускать распространения этих книг.

Сохранившийся в деле № 22 фонда Канцелярии министра внутренних дел список книг, которые распространялись среди рабочих, насчитывал около 40 названий. В этом списке имелись такие популярные агитационные брошюры, как «Дедушка Егор», «Митюха», «Сказка о четырех братьях и их приключениях», сказка «Илья-Муромец», брошюры «Сила солому ломит», «На миру», «Деревенский торгаш», «Крестьянские выборы», «Соседи», «Мирской учет», «В царстве Бовы-королевича» и др. Наряду с популярными массовыми брошюрами, в список были включены и такие серьезные книги, как сочинения Лассалля, «Историческое развитие Интернационала», «Государственность и анархия» Бакунина и труд Маркса «Гражданская война во Франции».

Большую роль в деле агитации и пропаганды среди рабочих и крестьян играли художественные произведения, посвященные революционной тематике. Среди них особенной популярностью пользовались драматическая хроника «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин», «История крестьянина» Эркмана-Шатриана. «Эмма» Швейцера, «Кто виноват» Искандера (Герцена), «Отщепенцы» Соколова, сборник новых песен и стихов. В список были также включены прокламации «К русскому народу», «Как надо жить по закону природы и правды», «К интеллигентным людям», «К русским революционерам» и др.²

Многие из указанных книг и прокламаций, как о том свидетельствуют документы, были захвачены жандармами и полицией при обысках и арестах. Из донесения Костромского губернатора министру внутренних дел от 30 сентября 1874 г. о пропагандистской деятельности слесаря Григория Алексеевича Щеглова, работавшего на Невском механическом заводе, а затем переехавшего на родину в деревню, видно, что Григорий Щеглов поддерживал связь с революционными пропагандистами, от которых получал запрещенные книги, в том числе «Дедушка Егор», «Сила солому ломит» и др. Перед отъездом Щеглова в деревню для него была подобрана специальная пачка книг, в которую вошли «История одного крестьянина», «Сказка о четырех братьях», «Стенька Разин», песенники и другие популярные в деревне издания³.

По записке, найденной жандармами при обыске у учителя Пектубавской народной школы Кудрявцева, можно судить о возросшем интере-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, канц. МВД, оп. 2, 1873 г., д. 22, лл. 188—189.

² Там же, лл. 481—481 об.

³ Там же, лл. 395—397.

се в народнических кружках к «рабочему вопросу». Вот эта записка, посланная народному учителю, повидимому, пропагандистом, связанным с местной народнической организацией:

«Кудрявцев! Прочитайте следующие вещи покуда, а потом вам сообщится программа чтения.

«Пролетариат в Англии и во Франции», первый том Шелгунова.

«Положение рабочего класса в России» Флеровского.

Из чтения этих книг вы познакомитесь с рабочим классом — с фабричным и земледельческим. Далее надо прочесть книги, из которых вы узнаете, как можно улучшить положение рабочего класса и как вообще «рабочий вопрос» может быть разрешен. Книги эти след.:

«Пролетариат во Франции» Михайлова.

«Об ассоциациях» Михайлова.

«Рабочий вопрос и средства к его разрешению» Бехер.

«Политическая экономия» Чернышевского»¹.

Однако широкого отклика идея «хождения в народ» среди рабочих не получила. Многие заводские рабочие, особенно металлисты, уже порвали с деревней и не могли найти общего языка с народниками. Часть рабочих, примкнувших к народникам, быстро отходила от них. Примером такого отхода от народников в этот период является деятельность кружка В. М. Дьякова, существовавшего на петербургской фабрике Чешера. Среди наиболее деятельных членов этого кружка был 23-летний рабочий Василий Герасимов, бывший воспитанник петербургского воспитательно-го дома, оставивший правдивые воспоминания о том, как жили русские рабочие в 70-х годах. Дьяков составил программу для занятий рабочих, что уже само по себе было важным и новым явлением: до этого времени народники не имели специальной программы для пропаганды среди рабочих. Программа Дьякова тем более заслуживает внимания, что она в ряде пунктов уже отходит от народнических теорий: в ней подчеркивается необходимость выяснения рабочими классовых противоречий и политического устройства в современном обществе, а также требование «обрисовать условия труда и положение рабочих в разных областях промышленности»².

Особое внимание программа Дьякова обращает на положение «каждого сословия в монархическом государстве, неограниченном, какова Россия», и на бедствия масс. В заключительной части программы коротко характеризуются способы борьбы рабочих с эксплуатацией: стачки и организация рабочих.

Как свидетельствуют документы, в 1872—1874 гг. выделилась группа передовых заводских рабочих, которые по своему уровню и пониманию общественных отношений в России стояли уже на голову выше народников. Характерно, например, что программа Дьякова, несмотря на наличие в ней элементов бакунизма, приближалась к взглядам русской секции I Интернационала и требовала признания рабочего класса самостоятельной революционной силой в общественном движении.

Связь русских революционеров-пропагандистов с заграничными революционными кругами в середине 70-х годов значительно расширилась. Об этом свидетельствует, в частности, секретный циркуляр директора департамента таможенных сборов министерства финансов от 21 января 1874 г., разосланный начальникам таможенных округов и управляющим таможнями. В циркуляре сообщалось, что через таможни проходит в боль-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, 1873 г., д. 22, ф. канц. МВД, л. 454.

² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 1, стр. 63—64.

шом количестве нелегальная литература из-за границы. Например, в ночь на 14 декабря 1873 г. и на 5 января 1874 г. на границе близ Волочиска чины пограничной стражи отбили у неизвестных, бежавших обратно за границу, большие тюки, в которых оказались книги и брошюры революционного содержания¹.

28 декабря 1874 г. III отделение сообщало министру внутренних дел, что за последнее время усилился провоз через границу разных революционных изданий. Контрабандная доставка запрещенных книг в Россию наиболее успешно производилась через русскую границу Бессарабии².

Летом 1875 г. жандармы арестовали на станции Волочиск приехавшего из-за границы студента-технолога Бельского, который пытался провезти в Россию нелегальную литературу. На допросе Бельский показал, что он, проживая в последнее время в Женеве, «разделял труды и мысли с тамошними членами «Международного Общества Рабочих», а также был близок к русским эмигрантам»³.

Среди книг, отобранных жандармами у Бельского, насчитывалось 150 экз. брошюры «Храбрый воин», «Сказка о копейке» и др.

Многочисленные архивные документы раскрывают картину широкого охвата революционной пропагандой передовых рабочих. Правительство стремилось всеми мерами помешать распространению революционных изданий, предотвратить проникновение революционных идей в рабочие массы. 2 мая 1875 г. министр внутренних дел Тимашев направил губернаторам секретный циркуляр, в котором сообщал об усилившейся среди фабричных рабочих пропаганде. Возвращаясь в деревню из Москвы и других промышленных центров, многие рабочие распространяют в среде сельского населения слухи о предстоящем будто бы разделе земли, о прекращении платежа податей. Крестьяне, с сожалением признавал царский министр, относятся к этим слухам сочувственно и скрывают их распространителей⁴.

1 марта 1875 г. подмастерье ткацкого отделения Кренгольмской мануфактуры Севастьянов передал жандармскому унтер-офицеру книгу «История одного крестьянина». Было установлено, что в конце прошлого года к ткачу той же Кренгольмской мануфактуры Федорову приезжал в гости его земляк крестьянин Ямбургского уезда Осипов. Он принес 20 экз. названной книги, читал ее вслух одной артели рабочих и, уходя домой, поручил Федорову раздать все принесенные экземпляры желающим⁵.

25 сентября 1875 года и. д. Киевского губернатора сообщил министру внутренних дел, что за последнее время произведено несколько арестов и обысков среди рабочих в предместье города Киева Демиевке, где распространялись брошюры революционного содержания, а также газета «Работник», издававшаяся «Всероссийской социально-революционной организацией», находившейся в тесной связи с заграничными революционерами⁶.

На средства, собранные рабочими, в Петербурге была составлена небольшая библиотека, преимущественно исторического и революционного содержания. Судя по сохранившемуся в полицейских делах списку книг этой библиотеки, среди них имелись такие серьезные труды, как «Полити-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, канц. МВД, оп. 2, 1874 г., д. 27, л. 63.

² Там же, лл. 21—22.

³ Там же, лл. 385—387.

⁴ Там же, лл. 268—269.

⁵ Там же, л. 222.

⁶ Там же, 1875 г., д. 16, л. 56.

ческая экономия» Милля, «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Пролетариат во Франции» Михайлова, «Положение рабочего класса в России» Флеровского, сочинения Добролюбова, Луи Блана и т. д.

Активную революционную пропаганду вели рабочие крупных фабричных центров — Павлово, Ворсма, Богородское и др. В июле 1875 г. помощник начальника Нижегородского губернского жандармского управления сообщал губернатору, что в этих фабричных центрах давно уже «преступная социалистическая пропаганда нашла себе первых приверженцев»¹.

Такие же сообщения получались и из других промышленных центров. Секретные циркуляры министерства внутренних дел предлагали местным органам власти зорко наблюдать за всеми «неблагонамеренными» лицами и немедленно сообщать властям об их «подозрительных действиях».

* * *

В 70-х годах из среды рабочего класса выдвинулись выдающиеся рабочие-революционеры, которые становились наиболее популярными пропагандистами и постепенно вытесняли пропагандистов из среды народнической интеллигенции. Это изменение состава пропагандистов-революционеров не было простой сменой лиц. Оно влекло за собою серьезные перемены идеологического характера. Русские рабочие-революционеры — Петр Алексеев, Степан Халтурин, Виктор Обнорский и другие, о которых В. И. Ленин говорил, как о кружке «корифеев», — в то время уже начинали сознавать непригодность для рабочего класса народнических теорий.

Московский ткач Петр Алексеев, изведавший всю тяжесть каторжного труда фабричного рабочего, рано стал революционером-пропагандистом: он организовал кружки среди рабочих, распространял среди них литературу, читал и объяснял им революционные книжки и прокламации. В его поистине исторической речи на суде была выражена твердая уверенность, что на борьбу за свободу выступает новый революционный класс, что «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..»².

О том, что Алексеев возлагал надежды на рабочий класс, как на основную революционную силу, мы знаем и из некоторых свидетельств, оставленных его современниками. В одном из них сообщалось, что Петр Алексеев среди народников «держался особняком со своей идеей будущего торжества рабочего класса в России»³.

Таким образом, Петр Алексеев, как и другие рабочие — Виктор Обнорский, Михаил Орлов, Степан Халтурин — были первыми рабочими-революционерами с зачатками новой революционной идеологии. Проповедь социализма у Петра Алексеева и других рабочих из его группы, конечно, носила еще печать незрелости и утопичности, но в ней были уже новые мотивы, решительно выдвигалась идея политической борьбы.

Другой рабочий-пропагандист Семен Агапов, участник революционной работы в Москве и Иваново-Вознесенске, на «процессе 50-ти» прямо заявил: «Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения. Я не раскаиваюсь в своих поступках, я твердо убежден в том, что не сделал ничего

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, Деп. полиц. исполн., оп. 36, 1875 г., д. 230, л. 2.

² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 47.

³ «Былое», № 19, 1922, стр. 95.

дурного, а только исполнил свой долг честного рабочего, искренно, всей душой преданного интересам своих бедных, замученных собратьев»¹.

Неудача «хождения в народ» еще более укрепила в сознании передовых революционных рабочих мысль о том, что крестьянство не может быть представителем всего трудящегося и эксплуатируемого народа в его борьбе за свободу.

С начала 1876 г. программа и практика народничества подверглись пересмотру, взамен них были выработаны новые, легшие в основание революционной организации «Земля и Воля». Прежнюю прямую веру в прирожденный социализм крестьянства землевольцы заменили верой в возможность и необходимость его подготовки к восприятию социализма, путем перехода от пропаганды к агитации, на почве непосредственных нужд и обид крестьянства.

Пропагандистская и агитационная работа организации «Земля и Воля» была организована теперь значительно лучше, чем «хождение в народ» в 1874 г., но крестьянство и на этот раз не обнаружило готовности к революции и склонности к социализму.

Создавшаяся обстановка вызвала среди землевольцев большие разногласия по вопросу о содержании пропаганды и агитации и методах дальнейших действий. Состоявшийся в июне 1879 г. Съезд землевольцев в Воронеже склонился к методам террора, и большая часть землевольцев-народников после съезда вошла в новую террористическую организацию «Народная воля». Только незначительная часть народников, во главе с Плехановым, осталась верной старому знамени «Земли и воли» и создала свою организацию «Черный передел», которая, по существу, не внесла ничего нового в старую народническую программу и тактику.

Политика и практика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига. Эта теория привела народников к отказу от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и к полному отрыву от классовой борьбы рабочего класса. Политическая борьба против самодержавия сводилась к заговору. В. И. Ленин отмечал, что народовольцы «...не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»².

Г. В. Плеханов был первым из народников, понявшим, что пропаганда среди рабочих должна быть подчинена идеям подготовки к завоеванию свободы и продвижению идей социализма в рабочие массы. Рабочие стачки в Петербурге, в организации которых принимал участие и сам Плеханов, убедили его в том, что рабочий вопрос приобрел в России, как и на Западе, самостоятельное значение.

Первым политическим выступлением рабочего класса явилась так называемая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г. Второй, более успешной, попыткой демонстрации явилось участие рабочих Петербурга в похоронах своего товарища, убитого по преступной небрежности администрации патронного завода при взрыве пороха. Но самое сильное влияние на пробуждение сознания большой массы петербургских рабочих произвели стачки, происходившие в Петербурге на текстильных фабриках в 1878—1879 гг. Среди рабочих столицы к этому времени насчитывалось свыше сотни революционных кружков. Издавались уже и прокламации, в которых формулировались требования рабочих.

¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 43.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 443.

Таким образом, к концу 70-х годов вопреки народническому «социализму» рабочий вопрос был поставлен на очередь.

Передовые сознательные рабочие, которые составляли тогда еще очень тонкий слой среди рабочего класса, добивались выделения и упрочения самостоятельного классового революционного движения. Примером и образцом для них было западноевропейское рабочее движение, которое уже начало развиваться под знаменем марксизма. В середине 70-х годов за границу для личного знакомства с развитием международного рабочего движения, его идеями и деятелями I Интернационала ездили В. Обнорский, И. Звонников, С. Виноградов и др. Это знакомство еще более убедило передовых русских рабочих в необходимости самостоятельной рабочей организации. Первой из них был «Южно-Российский Союз рабочих», организованный в 1875 г. в Одессе, под руководством Е. О. Заславского. Основные кадры этого «Союза» составляли рабочие, распространявшиеся обычные в то время революционные книжки начала 70-х годов: «Сказка о четырех братьях», «Мудрица Наумовна», «Где лучше?», а также газета «Работник».

Но содержание пропаганды «Южно-Российского Союза» начало меняться. Центр тяжести все более и более переносился на пропаганду идей Международного Товарищества Рабочих и на разъяснение необходимости самостоятельной организации русских рабочих. Под руководством Евгения Заславского среди одесских рабочих проводились некоторые просветительные мероприятия, создавались библиотеки, кооперативная баня, ссудные кассы и кассы взаимопомощи.

О том, как велась революционная пропаганда среди рабочих членами «Южно-Российского Союза рабочих», сохранились некоторые воспоминания (например, М. П. Сквери), а также показания отдельных участников этой организации при допросах.

Рабочий Одесских железнодорожных мастерских Платон Тисельский показал на допросе, что «осенью 1875 г. у него нанял квартиру рабочий Силенко, который, имея у себя постоянно много книг и газет, привозимых, по его словам, из-за границы Ляховичем, стал давать ему для чтения газеты «Вперед» и «Работник» и книгу «Сказку о четырех братьях», говоря, что «если мы будем читать эти книги, то не будет начальства, и избавимся от платежа податей; что царя теперь не нужно; что он нужен был тогда, когда народ был необразован, и что устроилось общество, которое добьется того, что будет равенство и свобода, и что они сами будут управлять»¹.

Некоторые рабочие — члены «Южно-Российского Союза рабочих» отличались довольно высоким уровнем развития, много читали и выступали, как умелые и знающие пропагандисты. Одним из таких передовых пропагандистов был Степан Наумов. Он пользовался большим доверием у руководителей «Союза», которые поручили Наумову ведать доставкой нелегальной литературы².

Наумов был убежденным революционером. Он считал, что процесс борьбы труда с капиталом уже начался. «Во всех его воззрениях была видна ясная, твердая классовая позиция пролетария»³.

¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 149.

² ЦГИАМ, ф. О. П. П. С., д. 187, д. 21, показания С. С. Наумова от 9 июня 1896 г.

³ Б. Окольский. Из воспоминаний. Статья в сборнике «Южно-Российский Союз рабочих» [Николаев], 1924, стр. 134.

Член «Южно-Российского Союза» Сквери в своих воспоминаниях сообщал, что среди одесских рабочих ходила по рукам книга Бехера «Рабочий вопрос», «переведенная и изданная под редакцией Ткачева, в приложении к которой были приведены образцы рабочих уставов и программ, в том числе, кажется, был и устав первого Интернационала, и несомненно влияние этой книги отразилось и на нашем уставе»¹.

Действительно, в приложении к книге Бехера «Рабочий вопрос» имелся временный устав Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала) и «Устав международной ассоциации рабочих Центральной Женевской секции», которые оказали несомненное влияние на устав «Южно-Российского Союза рабочих».

Как вспоминает Сквери, при обсуждении Устава Заславский предлагал выбросить политические требования, но по настоянию рабочих эти требования были оставлены. Это свидетельство очень важно, так как подтверждает мысль В. И. Ленина о том, что передовые рабочие 70-х годов опередили своих руководителей, когда «...требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»².

Пропагандистская деятельность «Южно-Российского Союза» приняла широкие размеры. В «Союзе» не было специальных пропагандистов. Сами рабочие — члены «Союза» — вели пропаганду на предприятиях и на железной дороге. Еженедельно созывались сходки членов «Союза», на которых Заславский читал лекции или вел беседы с рабочими.

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, организаторы «Союза» — Е. О. Заславский и его ученики — во всей своей деятельности подчеркивали необходимость развития классового самосознания и самодеятельности рабочих.

Опасный для царского правительства характер «Южно-Российского Союза» понимали, очевидно, и власти. В донесении начальника Одесского жандармского управления в III отделение сообщается, что «настоящее общество имеет, — по крайней мере на юге, — совершенно новый и весьма серьезный характер», что «ныне обнаруженное общество, состоящее преимущественно из мастеровых и вполне организованное, является созревшим плодом посеянных революционных и социальных учений, что пропаганда проникла в народ»³.

«Южно-Российский Союз» был массовой рабочей пропагандистской организацией, которая стремилась выйти из рамок народнической пропаганды и стать самостоятельной рабочей организацией. Именно поэтому «Южно-Российский Союз» сыграл в процессе классового оформления рабочего класса значительную роль. Его можно считать первой в России социалистической организацией, в идеологии которой начался серьезный, хотя и не окончательный разрыв с народничеством.

Второй такой же рабочей организацией являлся «Северный Союз русских рабочих», программа которого была сформулирована в декабре 1878 г. Видными организаторами и руководителями этого «Союза» были уже упоминавшийся выше слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. «Союз» имел собственную типографию и подготовил выпуск рабочей газеты «Рабочая Заря», первый номер которой был вместе с

¹ М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе в 1875 году. Одесса, 1921, стр. 11.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 237.

³ ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп. 1874 г., д. 144—166, лит. А, лл. 22—23.

типографией арестован. По мысли своих организаторов, «Союз» должен был стать всероссийской рабочей организацией. В его программе подчеркивалась значительная роль рабочих в освободительном движении: «На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, и мы должны дать его...

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России...»¹.

Программа «Союза», отступавшая от основ народничества, вызвала в № 4 «Земли и Воли» полемику с руководителями «Северного союза». Руководители «Земли и Воли» осуждали программу «Северного союза русских рабочих» за «смешение в ней программы различных западных социалистических партий», а также за то, что вопросам политических свобод уделено много внимания, а «аграрные вопросы оставлены втуне». На эти упреки «Союз» ответил в № 5 «Земли и Воли» письмом, в котором заявлял, что «Союз» придерживается основных принципов устава Интернационала и что «свобода — очень важное условие для скорейшего переворота».

Таким образом, первые рабочие союзы признавали, что у пролетариата, как самого угнетенного и наиболее эксплуатируемого класса, должны быть свои задачи и свой революционный путь борьбы.

После организации Южно-Российского и Северного Союза рабочих, революционная пропаганда среди рабочих приняла более широкие размеры и боевой и ясно выраженный политический характер. Увеличилось количество прокламаций и листовок, выпускаемых в связи с отдельными стачками и другими событиями в рабочей среде. Большое впечатление, например, произвела прокламация, исходившая от кружка заводских рабочих — членов «Северного Рабочего союза», в связи с похоронами жертвы взрыва на Патронном заводе в Петербурге².

Столь же сильный эффект вызвала прокламация «К рабочим всех фабрик и заводов», по поводу стачки на новой Бумагопрядильне³.

О возросшей пролетарской солидарности свидетельствовал отправленный 18 марта 1878 г. известный адрес одесских рабочих к французским в связи с днем памяти Парижской Коммуны.

Посылая французским рабочим свой пламенный братский привет, одесские рабочие писали: «Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся, против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы»⁴.

Связь первых рабочих союзов с массовым движением, однако, не была еще достаточной и прочной, а главное эти союзы еще сами не совсем порвали с народническими теориями и не пришли к марксизму.

Рабочее движение в России развивалось еще вне связи с марксистской теорией, но уже обусловило неизбежный кризис народнической идеологии.

Концентрируя все силы на террористических актах, «Народная Воля» не могла развернуть широкой организационной и пропагандистской работы среди рабочих. Осенью 1880 г., под руководством Андрея Желябова,

¹ ЦГИАМ, «Библиотека русского пролетария», № 51. «Северный Союз русских рабочих», изд. Г. Куклина, Женева, 1904, стр. 5—9; журнал «Былое», 1906, № 1, стр. 181.

² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 206—207.

³ Там же, стр. 238—239.

⁴ Там же, стр. 234—235.

была создана в Петербурге «Рабочая группа» членов партии «Народная Воля», которая вела пропагандистскую работу среди петербургских рабочих. Но в программе этой «Рабочей группы» не было четко выраженных классовых и политических требований.

Это ясно и из содержания народовольческой «Рабочей газеты» и из сохранившейся в делах архива Министерства юстиции программы пропагандистской деятельности «Рабочей группы» «Народной Воли».

Первый номер «Рабочей газеты» вышел 15 декабря 1880 г. и второй — 27 января 1881 г. Это было время наиболее интенсивной деятельности «Рабочей группы», в состав которой входили Желябов, Гриневецкий, Рысаков, Перовская, Тимофей Михайлов и двое-трое рабочих. «Рабочая группа» стремилась организовать кружки из революционных рабочих, с целью подготовить из них людей, пригодных для террористической деятельности. В кружках читались лекции по истории революций и социализма, объяснялась программа «Народной Воли» и раздавалась для чтения и распространения «Рабочая газета».

Но несмотря на все свои старания, народовольцы не могли найти общего языка ни с рабочим классом, ни с крестьянством, так как их пропагандисты не понимали интересов крестьянина, как мелкого производителя, а пропаганду среди городских рабочих вели на чуждой их интересам почве. В то время, когда фабрично-заводских рабочих кровно интересовали вопросы заработной платы, рабочего дня, организации смен, штрафы, отношение хозяев и мастеров к рабочим, жилищные условия и т. п., социалисты-народники развивали перед ними абстрактные теории, либо призывали рабочих к «саморазвитию» и читали им лекции о каменном веке или о планетах. В своих воспоминаниях о пропагандистской работе народников среди рабочих Г. В. Плеханов писал:

«Вспоминая теперь лекции, читанные в рабочих кружках «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочие могли выносить только из лекций по политической экономии...»¹.

Иногда пропагандисты-народники упоминали в своих беседах и лекциях о Международном Товариществе Рабочих, но при этом превозносили деятельность Бакунина, а сторонников Маркса и Энгельса изображали реакционерами. Разумеется, такое извращенное освещение истории I Интернационала не могло содействовать политическому развитию рабочих и еще менее способствовало правильному пониманию ими идей социализма.

Осенью 1881 г. в Петербурге, кроме народовольцев, вели пропаганду среди рабочих также и чернопередельцы. Как видно из воспоминаний О. Аптекмана и В. Панкратова, на рабочих сходках происходили горячие споры о том, выдвигать ли в пропаганде среди рабочих политические вопросы или нет. Но рабочие требовали не уклоняться от постановки политических задач, так как сама жизнь выдвигает их на каждом шагу².

О характере пропаганды народовольцев среди рабочих можно судить по воспоминаниям одного из руководителей народовольческих рабочих кружков И. Попова. Народовольцы стремились подготовить из рабочих пропагандистов и агитаторов для деревни. Попов следующим образом излагает планы «Народной Воли»: «С народом необходимо связаться через рабочих, из среды которых нужно готовить агитаторов для деревни, а потом отправлять их на родину и помогать устроиться там»³.

¹ Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, 1940, стр. 26.

² См. В. Панкратов. Воспоминания 1880—1881 гг. М., 1923; О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Пг., 1924.

³ И. Попов. Минувшее и пережитое, 1933, стр. 120—121.

В народовольческих кружках рабочих знакомили с историей литературы, основами политической экономии, положением рабочего класса и крестьянства в России и за границей, с государственным устройством разных стран. Обращали внимание рабочих на текущие события в России и за границей. «Для занятий мы пользовались легальной и нелегальной литературой, конечно, больше легальной — журнальными статьями, рассказами Наумова, Орфанова («Мишла»), Златовратского, Г. Успенского, «Эммой» Швейцера, «Историей одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Спартак» Дживаниолли и др. Читали рабочим И. И. Иванюкова, Лассалья «Примечания к Миллю», Чернышевского, Флеровского и т. д. К. Маркса реферировали, и эти рефераты, как и статьи Лассалья, старую «Рабочую газету», «Зерно» чернопередельцев, брошюры 70-х годов и другие, мы гектографировали в своей мастерской»¹.

Следует отметить, что народовольческая «Рабочая группа» вошла в связь с варшавской революционной организацией «Пролетариат» и выполняла некоторые поручения этой организации.

В архиве Министерства юстиции сохранилось дело, озаглавленное «Пропаганда среди рабочих за 1885 год», в котором имеется программа пропаганды среди рабочих в народовольческих кружках. Рабочие, среди которых могла проводиться работа, распределялись на четыре категории, по степени способности к восприятию этой пропаганды и по моральным качествам. От проводников социализма должно требовать — указывалось в замечаниях к программе, — чтобы они своей жизнью доказывали, какое влияние оказывает на человека учение о братстве людей. Программа пропаганды сопровождалась рекомендательным списком книг по истории России и Западной Европы, по истории рабочего движения и социализма, по политической экономии и государственному устройству европейских стран. По истории России, например, рекомендовалось изучать в кружках следующие книги: «Древняя Русь» Худякова, «Бунт Стеньки Разина» Костомарова, «Крестьяне на Руси» Беляева, «Крестьяне при Екатерине II» Семева, «Начало единодержавия на Руси» Костомарова, «История кабаков в России» Пржогова и другие.

В революционных кружках «Народной Воли» имелось много рабочих, выделявшихся по своему умственному развитию. В террористической борьбе некоторые рабочие участвовали потому, что возросшая политическая активность рабочих не находила себе другого выхода, тем более, что народовольцы и не могли показать им никакого другого выхода. Как и раньше, народники мешали политическому созреванию рабочего класса.

В конце 1881 г. и в начале 1882 г. народовольческая рабочая организация была разгромлена. Но в провинции отдельные рабочие кружки продолжали возникать и бороться. В Москве группа Теллалова, Панкратова и другие имели к осени 1881 г. в 30 разных пунктах Москвы до 120 организованных рабочих. Успешно протекала пропаганда среди рабочих на Украине. В Одессе, где еще оставались следы работы «Южно-Российского Союза», рабочие кружки становились все более самостоятельными.

В Киеве чернопередельцем Поповым был создан новый «Южно-русский рабочий союз», состоящий из рабочих обеих народнических фракций. Он принимал участие в экономической борьбе рабочих, а свою политическую позицию выразил в специальной прокламации, которая была выпущена в связи с убийством Александра II; в прокламации указывалось, что царевубийство не освободит народ, пока он сам не поднимет-

¹ И. Попов. Указ. соч., стр. 123.

ся и не организуется для борьбы. «Союз» требовал для рабочих политических свобод и фабричного законодательства. Средствами борьбы за свои требования он признавал экономический террор — фабричный и аграрный.

В Харькове, ставшем по свидетельству В. Панкратова, центром народно-вольческой работы на Украине, интенсивно развивалась пропаганда среди рабочих-железнодорожников. Активную работу вела «Народная Воля» среди рабочих Екатеринослава, Ростова, Таганрога и др. Но вся эта деятельность захватывала не массу, а только отдельных революционно настроенных рабочих.

Увидев беспочвенность своей работы в деревне, чернопередельцы также начали вести работу в среде городских рабочих. В Петербурге они приступили к изданию рабочей газеты «Зерно», в которой доказывали мысль, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

* * *

Занятия с отдельными рабочими кружками, пропаганда на фабриках и заводах, участие в стачках, первые попытки создания рабочих организаций, широкая, хотя организационно неоформленная, работа среди рабочих — все это способствовало подъему революционного сознания отдельных передовых рабочих. Но рабочая масса не была поднята народничеством. В своей агитации и пропаганде среди рабочих народо-вольцы оставались социалистами-утопистами, идеологами мелкого производителя. Смешивая в одну кучу рабочего-пролетария и собственника-крестьянина, они не видели в пролетариате новой и главной силы революции и не могли вести по революционному пути пролетарские массы. Революционная ситуация 1879—1881 гг. явилась большим испытанием для революционного народничества. Уже в самом начале революционного подъема народники начали сознавать свое бессилие и неспособность возглавить народные массы и поднять их на революцию.

События 1 марта 1881 г. окончательно обнаружили беспомощность и бесперспективность деятельности «Народной Воли».

Попытки создать в 70-х годах народническую революционную партию не привели к возникновению действительно народного революционного движения. Рабочие и крестьяне не принимали массового участия в революционном движении, поэтому силы этой партии были достаточны лишь для отдельных покушений, а не для политического переворота.

Выясняя причину слабости как рабочего движения, так и «социализма» 70—80-х годов, В. И. Ленин подчеркивал, что отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость того и другого. Владимир Ильич в связи с этим писал: «...у нас социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, *в стороне* от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр. С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме»¹.

Слабость революционного движения, руководимого народниками, объяснялась прежде всего тем, что это движение развивалось в отдельных кружках и распространялось отдельными лицами, не проникая широко в рабочие массы.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236—237.

С другой стороны, стачки в 70—80-х годах проходили стихийно, без участия революционных организаций в руководстве ими. И. В. Сталин отмечал, что слабость рабочего движения в 70—80-х годах объяснялась тем, что рабочее движение в эти годы не имело еще социалистического компаса: «Развитие идеи социализма в России шло почти тем же путем, что и в Западной Европе. И в России социалистам долго пришлось блуждать вслепую, прежде чем они дошли до социал-демократического сознания — научного социализма. И здесь были социалисты, было и рабочее движение, но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и Воля», «Народная Воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Оба действовали в одни и те же годы (70—80-е годы), не зная друг друга»¹.

В то же время появление в 70-х годах на арене общественной жизни рабочего класса свидетельствовало о том, что в России нарождается почва для распространения марксизма. «Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться»².

По мере роста рабочего движения сопротивление народников распространению идей марксизма усиливалось. Победа марксизма была невозможна без идейной борьбы против народничества, без идейного разгрома народничества, в корне враждебного научному социализму.

Последовавшая за революционной ситуацией политическая реакция правительства Александра III обычно характеризуется, как период идейного упадка, идейной пустоты и теории «малых дел». Но В. И. Ленин характеризует 80-е годы не только как период разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, но и как время живой и плодотворной деятельности русской общественной мысли. «Ведь в России не было эпохи,— писал В. И. Ленин,— про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III!»³.

В. И. Ленин подчеркивал, что именно в 80-х годах «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания»⁴.

Революционно-демократическая и социалистическая мысль в России прошла сложный и трудный путь развития, прежде чем она дошла до научного социализма. В. И. Ленин указывал, что передовая мысль в России, под гнетом реакционного царизма, в течение полувека жадно искала правильной революционной теории. Она следила «с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁵.

Революционная теория Маркса и Энгельса не сразу заняла свое место даже в европейском революционном движении. Лишь постепенно она вытесняла отсталые утопические учения. По мере развития рабочего движения, по мере роста сознательности и революционности пролетариата в крупнейших капиталистических странах, марксизм становился знаменем рабочего движения.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. I, стр. 13.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 230.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9

Успехам марксизма способствовали и подготовляли его идейную победу такие события, как основание и деятельность I Интернационала (1864—1872 гг.), появление I тома «Капитала» Маркса (1867 г.), Парижская Коммуна (1871 г.), создание и первые успехи германской социал-демократии.

Правильность марксистских взглядов подтверждалась всем развитием современных обществ, всем опытом революционного движения и борьбы угнетенных классов. С упадком мелкой буржуазии было тесно связано постепенное отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идею пролетарского социализма.

Распространение марксизма на Западе вызвало рост интереса к нему и со стороны русской передовой интеллигенции 40—70-х годов. Еще в 40-х годах некоторые из ранних работ Маркса и Энгельса стали известны отдельным членам кружка Белинского и кружка петрашевцев. Друг Герцена эмигрант Николай Сазонов поддерживал личные отношения с Марксом и заявлял о своем признании основных положений «Манифеста Коммунистической партии».

Но в 40—50-х годах знакомство с марксистскими идеями было ограничено узким кругом представителей буржуазной интеллигенции (Анненков, Боткин и другие) или представителями революционно-демократических течений (кружок Белинского).

С начала 60-х годов знакомство с некоторыми произведениями Маркса и Энгельса становится более широким. В 1861 г. в журнале «Современник», который редактировался Чернышевским, были помещены статьи Н. В. Шелгунова о положении пролетариата Англии и Франции, на основании материалов труда Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Годом раньше в русском переводе появилась книга Гильдебранда по политической экономии, направленная против Энгельса. В дискуссии, в связи с этой книгой, участвовал и журнал «Современник», который высказался против Гильдебранда. Среди русских ученых-экономистов в начале 60-х годов распространялась книга Маркса «К критике политической экономии» (изданная в 1859 г.).

Перевод первого тома «Капитала» на русский язык в 1872 г. способствовал более широкому проникновению марксистских идей в Россию еще до возникновения здесь первых марксистских групп и кружков. С появлением «Капитала» среди русских социалистов «...главным теоретическим вопросом, как писал В. И. Ленин, сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»¹.

Идеи марксизма стали постепенно проникать в народнические подпольные кружки 70-х годов. В легальной печати, на университетских кафедрах идеи марксизма также становились предметом оживленного обсуждения.

Но этот период не являлся еще периодом возникновения марксизма в России.

История проникновения марксистских идей в Россию и их влияния на русскую общественную мысль в 40—70-х годах еще не написана, хотя ряд советских исследователей (В. В. Воровский, А. Реуэль, В. Шульгин

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 249.

и др.) своими предварительными работами способствовали выяснению этого интересного вопроса.

Следует подчеркнуть, что интерес в легальной печати 70-х годов вызывали, главным образом, экономические идеи Маркса. В эти годы среди передовых представителей русской интеллигенции усилилась популярность имен Маркса и Энгельса. Возросли симпатии русской революционной молодежи к I Интернационалу, руководимому Карлом Марксом. Именно поэтому группа революционной молодежи создала за границей русскую секцию Международного Товарищества Рабочих и обратилась к Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете. В своем письме от 24 марта 1870 г. на имя Русской секции Маркс сообщал об утверждении программы и устава секции и о своем согласии быть ее представителем. В этом же письме Маркс с большим сочувствием писал о великом русском ученом Н. Г. Чернышевском и о русском писателе В. В. Берви-Флеровском. Его книгу «Положение рабочего класса в России» Маркс сравнивал с книгой Энгельса о положении рабочего класса в Англии. Маркс писал, что труды Чернышевского и Флеровского делали «действительную честь России».

Однако в 60—70-х годах марксистские идеи в России не получили еще распространения. Народники относились к марксизму, как к одному из социалистических учений, пригодных для Западной Европы, но не для России. Научному пролетарскому социализму представители народнической интеллигенции противопоставляли русский «крестьянский социализм».

Основоположники научного социализма Маркс и Энгельс резко критиковали утопические доктрины русского народничества. Их борьба против Бакунина, Ткачева и других представителей русского анархизма содействовала отрыву лучших русских революционеров от утопического крестьянского и мелкого буржуазного социализма и переходу на сторону научного социализма.

Народники подходили к трудам Маркса и Энгельса со своей народнической меркой. Характерным явилось выступление Михайловского в роли критика «Капитала». В своей статье, опубликованной в 1872 г. после выхода в свет русского перевода «Капитала», Михайловский хотя и приветствовал труд Маркса, но отказывался видеть в марксизме теорию, пригодную для России.

Выступление Михайловского вызвало критическое письмо Маркса к редактору «Отечественных Записок», которое осталось неотправленным и сохранилось среди бумаг Маркса. После смерти Маркса, Энгельс передал копию ответа автора «Капитала» русским революционерам. Возражая Михайловскому, Маркс писал, что Россия уже «немало потрудились» в деле превращения в капиталистическую страну и что дальнейшее развитие ее после 1861 г. окончательно утвердит в ней капиталистический способ производства и рост пролетариата, как нового революционного класса.

Появление «Капитала» вызвало живой интерес в русском обществе. Работа над его переводом велась некоторое время Лопатиным, а затем Николаем — оном, который его и закончил. Это был первый по времени иностранный перевод гениального труда Маркса.

Царское правительство дало разрешение на его издание, предполагая, что «Капитал» никто не будет читать из-за трудности его содержания. Но уже первые отклики на «Капитал» показали всю ошибочность этого предположения.

Выход «Капитала» в России и интерес к нему со стороны передовой части русского общества заставили правительственные и буржуазные органы печати выступить с резкими выпадами против автора «Капитала», а

через короткое время распространение «Капитала» было и вовсе за-
прещено.

Маркс и Энгельс в последние годы своей жизни с огромным интересом следили за развитием капитализма и рабочего класса в России. В. И. Ленин писал об этом: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»¹.

Этот интерес основоположников марксизма к России объяснялся большим значением, которое они придавали революционной России для судеб революционного социализма в Западной Европе. «...Маркс и Энгельс ясно видели,— писал В. И. Ленин,— что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение»².

Маркс и Энгельс предсказывали, что развитие русской революции должно оказать огромное влияние на ход и исход общеевропейской революции, в результате которой пролетариат Европы быстрее пойдет к социалистической революции.

* * *

В эпоху Маркса и Энгельса центр революционного движения находился попеременно во Франции и Германии. Но чем дальше шло прогрессивное историческое развитие, тем больше Маркс и Энгельс приходили к убеждению, что центр международного революционного движения должен переместиться в Россию. Еще при жизни основоположников марксизма, Россия дважды переживала революционную ситуацию: в период 1859—1861 гг. и в период 1879—1881 гг. Правда, эти революционные ситуации не завершились революцией. Но они свидетельствовали о громадной революционной энергии, какая таилась в русском народе и какая вскоре проявилась в русском рабочем классе.

Бурные стачки конца 70-х годов в Петербурге, а затем Морозовская стачка 1885 г., вызванная кризисом промышленности и резким усилением антагонизма между трудом и капиталом, оказали сильное влияние на рост революционного движения в России.

Марксизм в России, как и на Западе, стал распространяться тогда, когда развитие капитализма и рабочего движения подготовило для этого необходимые объективные условия, когда идеи народнического или мелкобуржуазного социализма стали ясно обнаруживать свою несостоятельность.

В начале 80-х годов, когда в России не было еще массового рабочего движения, работы Маркса и Энгельса распространялись среди революционной молодежи и становились достоянием лишь небольших групп рабочих. Они печатались в нелегальных типографиях и на гектографах. В 1883—1885 гг., по донесениям жандармов, отмечается наличие марксистской литературы у рабочих Петербурга и Москвы. Огромную роль в распространении марксистской литературы в России сыграла основанная Г. В. Плехановым заграничная марксистская группа «Освобождение труда».

Эмигрировав за границу, Плеханов начал настойчиво изучать труды Маркса и Энгельса, а также произведения Гегеля, Фейербаха, представи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

телей западного утопического социализма, историю европейского рабочего движения. Плеханов позже писал, что изучение трудов Маркса и Энгельса прежде всего помогло ему и его группе разобраться в ошибочности народнической теории и выбрать правильный путь борьбы за дело рабочего класса: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преобразовывался на наших глазах собственный революционный опыт»¹.

В настоящей статье невозможно конкретно остановиться на идейной эволюции Плеханова, как и на всей проблеме распространения марксизма в России. Статья преследует более узкую цель — показать задачи, содержание и значение революционной пропаганды в рабочих кружках в переходный период 70—80-х годов, когда еще не произошло слияния социализма с рабочим движением. Поэтому важнейшие этапы идейной эволюции первых русских марксистов здесь охарактеризованы лишь в общих чертах.

По мере развития у Плеханова марксистских взглядов, он все дальше уходил от народников. В 1882 г. он отказался сотрудничать в органах народников, подчеркнув глубоко принципиальный характер своих расхождений с ними.

В сентябре 1883 г. Плеханов, Засулич, Дейч, Игнатов и Аксельрод объявили о своем разрыве с редакцией «Вестника «Народной Воли»», отказавшейся напечатать статью Плеханова «Социализм и политическая борьба», и создали самостоятельную группу «Освобождение труда».

Большой заслугой Плеханова и его группы является перевод на русский язык трудов Маркса и Энгельса и распространение в России идей научного социализма. Для этой цели была создана в Женеве специальная типография. Под руководством Плеханова была подготовлена «Библиотека научного социализма», в состав которой вошли переводы на русский язык важнейших произведений научного социализма: работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Нищета философии» К. Маркса, «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса и др.

Группа «Освобождение труда» горячо откликнулась на смерть Маркса. В обращении к съезду немецкой социал-демократической партии в Копенгагене Плеханов, Засулич и Аксельрод предложили увековечить память Карла Маркса изданием полного собрания его сочинений для рабочих².

В переписке, завязавшейся между Энгельсом и членами группы «Освобождение труда», которую от имени группы вела В. И. Засулич, отразилась высокая положительная оценка Фридрихом Энгельсом пропагандистской работы русских марксистов. Ознакомившись с книгой Плеханова «Наши разногласия», Энгельс писал в 1885 г. В. И. Засулич: «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих пред-

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, М., 1940, стр. 17.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 9. М., 1923.

шественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше»¹.

Группа «Освобождение труда» подняла знамя марксизма в русской и заграничной печати в тот период, когда социал-демократического движения в России еще не было. Такие марксистские труды Плеханова, как «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) положили начало идейному разгрому народников и идейно расчистили путь к созданию в России социал-демократической партии. Давая оценку первых марксистских работ Плеханова и деятельности его группы, В. И. Ленин писал:

«Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи»².

Группа Плеханова делала попытки установить связь с революционными организациями в России, чтобы успешнее и шире распространять марксистскую литературу среди передовых рабочих. Большие затруднения группа «Освобождение труда» имела в деле транспортировки своих изданий в Россию. В первые годы своего существования она направляла марксистскую литературу в Россию, используя каждого сочувствовавшего рабочему движению человека, возвращавшегося в Россию. В чемоданах с двойным дном книги и брошюры переправлялись через границу. Их получали и распространяли возникшие в это время марксистские кружки и группы в России. Одна из таких групп, получившая название по имени ее организатора «группы Благоева», возникла в декабре 1883 г. Группа Благоева называла себя «Партией русских социал-демократов», подчеркивая этим названием свой переход на позиции пролетарского социализма. Она развернула довольно широкую пропаганду марксизма среди петербургских рабочих. В 1884 г. группа Благоева вступила в связь с группой «Освобождение труда» и послала ей проект составленной Благоевым программы. «Не помню, откуда и как,— писал в своих воспоминаниях Д. Н. Благоев,— получили мы экземпляр брошюры Г. Плеханова — «Политика и социализм». Независимо от ее социалистического содержания, в котором мы нашли подтверждение нашим взглядам, из нее мы узнали еще, что в Женеве существует группа «Освобождение труда», во главе которой стоят старые социалистические деятели, как Плеханов, Аксельрод и др., известные в России прежней своей деятельностью... Группа немедленно собралась и, прочитав брошюру, ... решила немедленно связаться с женевской группой»³.

В одном из писем благоевцы просили прислать им из Женевы сочинения Герцена и Чернышевского, а также издания группы «Освобождение труда». Но первый транспорт литературы, посланный из Женевы в начале 1885 г., попал в руки полиции. Следующий транспорт книг в 1886 г. был доставлен благополучно. О содержании задержанных книг мы теперь знаем из сохранившегося донесения начальника петербургского охранного отделения в департамент полиции⁴.

Группа «Освобождение труда» послала в Петербург следующие брошюры:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 461—462.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 225.

³ Д. Благоев. Мои воспоминания. М., 1928, стр. 42.

⁴ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 370.

1. «Наши разногласия» Г. В. Плеханова.
2. «Господство капитала и борьба против него», часть 1-я.
3. «Кто чем живет» Дикштейна.
4. «Развитие научного социализма» Энгельса.
5. «Речь о свободе торговли» К. Маркса.
6. «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова.
7. «Наемный труд и капитал» К. Маркса.
8. «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Работы самого Плеханова, а также переводы произведений Маркса и Энгельса пользовались в России большой популярностью среди передовых рабочих. Г. В. Плеханов позднее сообщал: в 1887 г. «одесские рабочие собрали между собой около 20 рублей для поддержки наших изданий. Мы были глубочайшим образом тронуты этим взносом»¹.

Трудности получения и распространения марксистской литературы в необходимом количестве из-за границы побуждали русских марксистов искать путей пропаганды марксизма при помощи переиздания в России заграничных брошюр и статей, которые печатались нелегально сначала просто на гектографе, а затем и в тайной типографии. Шрифт для подпольной типографии доставали типографские рабочие. В январе 1885 г. в Петербурге вышел первый номер нелегальной газеты «Рабочий». В своих воспоминаниях Д. Н. Благоев сообщает, что рабочие восторженно встретили издание газеты: «Социал-демократическая газета, и к тому же «Рабочий», напечатанная в собственной типографии,— это было для многих нечто неожиданное, совсем новое. Рабочие говорили о ней с гордостью, со всех сторон предлагали свою лепту, искали ее для распространения»².

Группа Благоева выпустила всего два номера — это были скорее пропагандистские листки, чем газета. В них объяснялись основы программы рабочей партии и развивалась мысль, что пролетариат является главной революционной силой в борьбе с царизмом и капитализмом. Во втором номере была напечатана статья Плеханова «Современные задачи русских рабочих».

Благоевцы развернули большую пропагандистскую работу. В различных районах Петербурга было организовано 14 рабочих кружков, охватывавших 100—150 рабочих. Несколько кружков рабочих-металлистов существовало за Невской заставой, за Московской заставой и на Васильевском острове. В городе работали два кружка среди печатников.

В своих воспоминаниях Благоев рассказывает, что успех пропаганды среди петербургских рабочих дал толчок для пропаганды среди рабочих в других городах страны. Большие планы и надежды в этом деле группа Благоева возлагала на рабочую газету. Действительно, группа Благоева установила связь и распространяла газету «Рабочий» среди революционных кружков Москвы, Харькова, Киева и других городов. Но в конце 1885 г. Благоев был арестован и выслан в Болгарию, а через несколько месяцев были арестованы и его ближайшие помощники. Полиция захватила также и типографию. Несмотря на кратковременное существование, группа Благоева сыграла большую роль в распространении и пропаганде марксизма среди передовых рабочих России.

Программа группы Благоева имела серьезные идейные слабости и ошибки: она находилась под сильным влиянием Лассалля, не ставила вопроса о диктатуре пролетариата и ее роли в борьбе за социализм.

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, стр. 19.

² Д. Благоев. Указ. соч., стр. 44.

Вслед за Лассалем, группа Благоева разделяла иллюзию, что рабочему классу достаточно завоевать всеобщее избирательное право, чтобы победить и прийти к социализму.

В программе группы отразилось также влияние народников, особенно в вопросе о терроре. Все это свидетельствовало, что передовые русские рабочие делали только первые шаги по овладению марксистской теорией. Всё же члены группы Благоева ушли вперед по сравнению с народниками. В противоположность народникам, программа Благоева заявляла: «Рабочий народ представляет единственную силу, которая может бороться с правительством»¹.

Параллельно с группой Благоева в 1885—1886 гг. в Петербурге возникла и другая марксистская группа, получившая по имени своего организатора название «группы Точисского».

Организатор этой группы П. Л. Точисский создал «Товарищество Санкт-Петербургских мастерских» для поднятия духовного и материального уровня рабочих. Точисский вел пропаганду среди рабочих, объявил себя противником тактики террора и настаивал на организации пролетариата в особую пролетарскую партию. Осенью 1885 г. был выработан устав, утвержденный в конце следующего года. Группа не имела сформулированной программы. Организаторы группы Точисского враждебно относились к деятельности революционной интеллигенции и тем самым способствовали вредному разделению организации на интеллигентов и рабочих.

Группа Точисского, несмотря на свои ошибки, достигла некоторых положительных результатов в пропаганде идей марксизма, имела свою библиотеку, ссудо-сберегательную кассу, наладила пропагандистскую работу среди женщин-работниц.

Осенью 1889 г. в Петербурге образовалась новая марксистская группа, руководимая инженером Михаилом Ивановичем Брусневым. Она состояла преимущественно из студентов-технологов, которые вели пропаганду среди рабочих.

В своих воспоминаниях М. И. Бруснев так пишет о задачах революционной пропаганды в рабочих кружках: «...Мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основой наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»¹.

Первоначально занятия в рабочих кружках носили общеобразовательный характер: в кружках велись занятия по естествознанию, по истории, политической экономии. Но все больше выдвигались самой жизнью общеполитические темы. Так как книг было мало, то большое значение приобретала устная пропаганда: лекции и беседы. Особенный интерес рабочие проявляли к деятельности германской социал-демократии. Они с интересом следили за работой германского рейхстага, отчеты которого печатались в «Русских ведомостях».

«Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей», вспоминает М. И. Бруснев.

Зимой 1889—1890 гг. в Петербурге брусневцы организовали около 20 кружков для пропагандистов и ряд кружков с руководителями из ра-

¹ Н. Л. Сергиевский. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев). Л., 1928, стр. 37.

² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 104.

бочих. Брусневцы организовали первые демонстрации с участием рабочих и пытались руководить стачками. Были выпущены прокламации к рабочим фабрики Торнтона и порта.

В апреле 1891 г. на похоронах Н. В. Шелгунова шли 70—100 рабочих с венком, на котором была надпись: «Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих»¹.

Участие революционных рабочих в этой демонстрации имело большое значение для укрепления связей революционных рабочих с массами.

К началу 90-х годов петербургские кружки объединялись в центральный кружок, в который вошли передовые рабочие социал-демократы: Н. Д. Богданов, Е. А. Афанасьев, Федор Афанасьев, Г. Мефодиев и др.

Рабочие кружки начала 90-х годов пополнялись передовыми рабочими, посещавшими вечерние технические и воскресные общеобразовательные школы. Особенно большую известность получила вечерняя школа Технического общества, основателем которого был директор Технического института Е. М. Андреев. Вечерние технические школы существовали на крупнейших заводах Петербурга: Балтийском, Семянниковском, Путиловском и др.

Рабочий Норинский в своих воспоминаниях сообщает, что большое значение для роста самосознания рабочих имели ремесленные училища. Немалый процент учеников этих училищ принимал участие в дальнейшем освободительном движении.

Большую роль в политическом развитии передовых рабочих играли журналы «Современник», «Отечественные Записки», «Русское Слово», «Дело» и др. Рабочие покупали интересовавшие их номера старых журналов и переплетали отдельные статьи и художественные произведения, если они отличались революционным содержанием.

Серьезное значение для политического воспитания передовых рабочих имели воскресные школы. Учительницей одной из первых воскресных школ для рабочих начала 90-х годов была с осени 1891 г. Н. К. Крупская. В этой школе она вела не только преподавательскую, но и пропагандистскую и организационную работу, устанавливая связи с передовыми рабочими и распространяя среди них революционную литературу. Многие из ее учеников являлись в дальнейшем активными участниками революционных кружков, а затем стали ближайшими соратниками В. И. Ленина.

Рабочие кружки в конце 80-х и начале 90-х годов были организованы на всех крупнейших предприятиях Петербурга. Кружок на Обуховском заводе объединял 14 человек. Кружком руководил Б. Ф. Лелевель. Второй кружок на Обуховском заводе сгруппировался вокруг токаря И. В. Крутова. В начале 1889 г. развернулась пропаганда среди путиловских рабочих. Почти все участники кружков были высококвалифицированные рабочие или слушатели специальных технических школ и курсов.

Некоторые передовые рабочие в 80-х и начале 90-х годов поражали своей начитанностью. Так, рабочий Балтийского завода И. И. Тимофеев в 1887 г. собрал большую библиотеку до тысячи томов и снабжал книгами любознательных рабочих.

Из кружка Тимофеева вышел ряд рабочих, активных участников Брусневской группы: В. Фомин, И. Егоров, М. Яковлев, К. Норинский, И. Беляев, П. Кайзо и др.

В это время между марксистами и народниками велись жаркие споры о судьбах экономического развития России и русского революционного

¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 96.

движения. Народники старались распространить свое влияние на рабочих. Рабочие принимали участие в дискуссиях между марксистами и народниками. В своих воспоминаниях И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, К. Норинский отмечают, что большинство рабочих стояло на стороне социал-демократов.

Норинский вспоминает, что на одном таком совещании присутствовали рабочие Фишер, Шелгунов и др. Решался вопрос о том, допустить ли народовольцев работать среди рабочих. Было решено допустить, но выбор тематики лекций предоставить самим рабочим. Это показывает, насколько недоверчиво относились в то время рабочие к народовольцам.

В Петербурге в первое воскресенье после 1 мая 1891 г. состоялась первая революционная маевка в России, в которой участвовали 70—80 рабочих. Здесь с речами выступали рабочие социал-демократы Н. Д. Богданов, Федор Афанасьев, В. Прошин, Егор Климанов. Эти речи были затем напечатаны за границей отдельным изданием, ставшим популярным среди рабочих.

Весной 1892 г. рабочие послали, по инициативе Брусневской организации, открытое письмо с приветствием польским рабочим, которые отметили Первомайский праздник дружной стачкой.

Как быстро созревало революционное самосознание рабочих в конце 80-х и начале 90-х годов, видно из сохранившихся воспоминаний рабочих, участников первых марксистских кружков¹.

Расширялся также культурный уровень и общий кругозор рабочих. Один из активных участников группы Бруснева в своих воспоминаниях приводит перечень книг, которые читали и обсуждали в кружках того времени революционные рабочие. Из произведений художественной литературы в кружках рекомендовались: «Спартак», «Риенци», «Один в поле не воин», «Что делать?», «Шаг за шагом», «Знамение времени», «Углекопы», «93-й год», «Лес рубят, щепки летят» и др. Из научных книг передовые рабочие читали и изучали: космографию Гумбольда, географию Лебокка, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «Историю цивилизации в Англии» Бокля, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Рабочий вопрос» Ланге, «Русскую историю» Ключевского и др.

Обычно после чтения общих научных книг рабочие начинали изучать в кружках первый том «Капитала».

В 1892 г. Брусневская организация была разгромлена. Один из членов ее, уцелевший после ареста, С. И. Радченко положил основание новой марксистской организации, в состав которой входили студенты Технологического института. В кружок технологов-марксистов входили В. Б. Старков, Г. М. Кржижановский, П. К. Запорожец, Л. Б. Красин, Н. К. Крупская и др. Эта группа вела пропаганду марксизма среди рабочих, хотя была оторвана от массового рабочего движения так же, как и все другие марксистские кружки того времени.

Видное место в распространении марксизма занимал марксистский кружок Н. Е. Федосеева в Казани. Кружок Федосеева развернул борьбу против народников и вел активную пропаганду марксизма не только в Казани, но и среди рабочих Самары, Нижнего-Новгорода и других городов Поволжья. В кружке Федосеева изучались «Капитал», «Наши разногласия» Плеханова и другие марксистские произведения.

¹ Часть этих воспоминаний и др. материалы о пропаганде среди рабочих опубликованы в сб. документов «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 58—66, 89—140, 237—282, 548—549.

В. И. Ленин в 1922 г. подчеркнул большую роль Федосеева в развитии марксизма: «...для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»¹.

С конца 80-х годов появляются марксистские кружки в Москве. Одним из первых кружков марксистов среди студенчества был кружок Виктора Курнатовского, студента физико-математического факультета Московского университета. В 1889 г. кружок Курнатовского был разгромлен, а сам Курнатовский был отправлен в ссылку.

Участвовали в первых марксистских кружках в Москве и некоторые рабочие: С. И. Прокофьев — помощник машиниста Брестской железной дороги, Ф. Поляков — ткач, К. Ф. Бойе — токарь, А. Д. Карпузи — слесарь, И. П. Петров — токарь, Осип Васильев — ткач и др.

Таким образом, Москва, наряду с Петербургом, в начале 90-х годов стала центром распространения марксизма в среде передовых рабочих.

В начале 90-х годов в Иваново-Вознесенске, Туле, в Нижнем-Новгороде, в ряде городов Среднего Поволжья среди рабочих были организованы первые марксистские кружки. С конца 80-х годов появились первые марксистские кружки на Украине, в Белоруссии, в Закавказье и в Прибалтике. Одним из первых на Украине был марксистский кружок в Харькове, организованный Ювенолием Мельниковым. Харьковский кружок привлек не только студентов, но и рабочих.

В конце 80-х и в начале 90-х годов марксистские группы и социал-демократические кружки существовали почти во всех крупных городах России. Но все эти марксистские кружки и группы не были еще связаны с массовым рабочим движением.

* * *

Начало 90-х годов явилось началом нового этапа в пропаганде идей социализма в России. Растущий капитализм и вызванные им противоречия буржуазного общества определили собой тот идейный перелом, который у передовой интеллигенции и рабочих наметился в 80-х годах. Лучшая часть этой интеллигенции переходила на сторону пролетариата. Росли марксистские кружки, расширялись связи с рабочими, усилилось распространение марксистской литературы среди рабочих.

Характеризуя 90-е годы, как новый, пролетарский период в истории освободительного движения в России, В. И. Ленин указывал, что объективнсь создались все условия и предпосылки для соединения социализма с рабочим движением.

«Слияние передовых рабочих с социал-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно, — писал В. И. Ленин. — Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 415.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 239.

Еще в самарский период своей деятельности В. И. Ленин глубоко изучал труды основоположников марксизма и, наряду с этим, историю и экономику России. Вскоре вокруг Ленина образовался первый кружок самарских марксистов. В революционных кружках Самары молодой Ленин выступил с рядом научных рефератов против виднейших авторитетов народничества, сделал подробный разбор книги В. И. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», подверг острой критике только что вышедшую книгу Николая — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893 г.), прочел реферат на тему «Из истории русской земельной общины» и др.

Переезд В. И. Ленина в августе 1893 г. из Самары в Петербург — главный центр пролетарской борьбы — был вызван горячим стремлением молодого Ленина активно участвовать в организации борьбы с царизмом и капитализмом, способствовать соединению социализма с рабочим движением, ускорить создание в России социал-демократической партии.

Начало революционной деятельности Владимира Ильича в Петербурге явилось поворотным моментом в развитии рабочего социал-демократического движения в России. Возглавляя работу петербургских марксистов, В. И. Ленин в то же время неустанно следил за деятельностью московских марксистских кружков и направлял также ее. Выдающейся вехой в истории русского революционного марксизма явилось известное выступление В. И. Ленина на нелегальном собрании в Москве в январе 1894 г. против одного из лидеров либерального народничества В. П. Воронцова (В. В.). Перед московскими социал-демократами Владимир Ильич поставил вопрос о переходе от пропаганды в кружках к массовой политической агитации среди рабочих. Дважды посетив Нижний-Новгород, Владимир Ильич прочитал там рефераты, направленные против народничества.

Большое значение в жизни марксистских кругов Петербурга этого периода имело выступление Ленина в октябре 1893 г. «По поводу так называемого вопроса о рынках», в связи с рефератом Г. Б. Красина «Вопрос о рынках». Реферат Ленина, направленный как против ошибочных взглядов Г. Б. Красина, так и против народников, произвел громадное впечатление на участников дискуссии. В. И. Ленин дал петербургским марксистам новое, более действенное оружие в борьбе с народничеством.

Всестороннее освещение истории образования ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», подробный анализ идейного развития революционного движения на этом этапе, предшествовавшем образованию нашей партии, выходят за рамки темы настоящей статьи. Мы хотим здесь лишь подчеркнуть, что под руководством В. И. Ленина вся деятельность марксистских групп в Петербурге перестроилась коренным образом.

Из сохранившихся документов и воспоминаний (Крупской, Бабушкина, Невзоровой-Кржижановской, Сильвина и др.) известно, что В. И. Ленин, как только ознакомился с обстановкой в Петербурге, с положением рабочих, состоянием марксистских кружков, поставил вопрос о расширении влияния социал-демократов на рабочие массы и об изменении содержания и методов пропаганды в кружках рабочих. «Большинство интеллигентов того времени плохо знало рабочих,—вспоминает Н. К. Крупская.—Приходил интеллигент в кружок и читал рабочим как бы лекцию. Долгое время в кружках «проходила» по рукописному переводу книжка Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Владимир Ильич читал с рабочими «Капитал» Маркса, объяснял им его,

а вторую часть занятий посвящал расспросам рабочих об их работе, условиях труда и показывал им связь их жизни со своей структурой общества, говоря, как, каким путем можно переделать существующий порядок. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках»¹.

Необходимость перехода к политической агитации Ленин обосновал в своей знаменитой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», показав связь между экономической и политической борьбой пролетариата. Он пропаганды марксизма среди небольшого количества передовых рабочих, собранных в кружки, Ленин требовал перейти к политической агитации среди широких масс рабочего класса. Политическая агитация позволяла социал-демократам теснее связываться с массами, узнавать нужды рабочих и на почве борьбы за их экономические интересы поднимать сознание рабочих до уровня понимания социал-демократических задач. Вместе с тем, В. И. Ленин уже тогда увидел опасность зарождавшегося экономизма, в духе которого была написана брошюра А. Кремера и Л. Мартова «Об агитации». Он решительно разоблачал оппортунистическую агитацию экономистов, стремившихся ограничить задачи рабочего класса только экономической борьбой, а руководство политической борьбой передать в руки буржуазных либералов. В феврале 1895 г. в Петербурге состоялось совещание социал-демократов Петербурга, Москвы и Вильно, которое решило послать делегата за границу для того, чтобы привлечь группу «Освобождение труда» к работе русских социал-демократов, нуждавшихся в марксистской социал-демократической популярной литературе, применительно к новым задачам перехода к агитации и расширения массового движения.

25 апреля 1895 г. Ленин выехал за границу в Швейцарию, где проживали члены группы «Освобождение труда», и договорился с ними об издании периодического журнала «Работник», обещая присылать статьи и материалы по рабочему движению в России. Плеханов, описывая свою первую встречу с молодым Лениным, дал ему очень высокую оценку, как будущему руководителю социал-демократии, отметив исключительную эрудицию, целостность революционного мировоззрения и быющую ключом энергию В. И. Ленина.

Вернувшись из-за границы, Ленин развернул кипучую деятельность для объединения социал-демократических групп и кружков и для создания единой марксистской партии.

Характеризуя впоследствии условия, в которых создавался Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин писал: «...тогда только кружки. Едва-едва первое начало массовой агитации. Весьма тяжеловесная преподавательская пропаганда. Социал-демократы пробивают себе дорогу среди народовольцев, народоправцев etc... 10—16 человек (комитет). 20—30 рабочих кружков, 100—150 maximum связей. «Чтения». Самообразование — гвоздь»².

Первыми организаторами будущей пролетарской партии были ученики Ленина рабочие-революционеры И. В. Бабушкин, Борис Зиновьев, Петр Карамышев, В. А. Шелгунов и др. Уже в декабре 1895 г. Б. Зиновьев и П. Карамышев упоминались в донесении Петербургского градоначальника в департамент полиции как лица, «давно замеченные в пропаганде социализма среди рабочих»³.

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, 1933, стр. 16.

² Ленинский сборник, V, стр. 442.

³ ЦГИАМ, ф. Д. П., д. 684, 1895 г., л. 135.

В статье-некрологе «Иван Васильевич Бабушкин», обрисовывая роль И. В. Бабушкина, как одного из строителей марксистской рабочей партии, Ленин подчеркнул вообще роль «...тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции (Ленин имеет в виду первую русскую революцию 1905 г.— А. П.) начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию»¹.

Эти кадры рабочих-марксистов 90-х годов, воспитанные Лениным и прошедшие под его руководством школу пролетарской борьбы с царским самодержавием, провели колоссальную работу по созданию пролетарской марксистской партии, по вовлечению в революционное движение широких рабочих масс, по превращению движения стихийно пробуждавшихся рабочих в сознательное социал-демократическое движение.

Несмотря на свое непродолжительное существование, Петербургский «Союз борьбы» имел большое историческое значение. Он показал, что задачи борьбы за социализм неотделимы от задач политической борьбы, но эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение.

Оценивая значение Петербургского «Союза борьбы», Ленин в своей замечательной работе «Задачи русских социал-демократов» писал: «Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вычуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки?»².

Революционный опыт Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» облегчил выращивание кадров революционных, марксистски-подготовленных руководителей из среды рабочего класса, которые составили костяк будущей социал-демократической партии пролетариата. Этот опыт помог молодым революционным марксистам, под руководством Ленина, разгромить народников, разоблачить зарождавшуюся тогда буржуазную идеологию «легального марксизма» и «экономизма» и выяснить пролетариату его роль, как гегемона в буржуазно-демократической революции, как борца за создание нового, социалистического общества.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 333.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 317.